

Парадный фасад города

Олег Губарь: «Приморский бульвар и Потемкинская лестница – нечто вроде букета, который Одесса дарит гостям»

В каждом городе есть множество замечательных, славных или просто красивых мест, весьма популярных среди туристов. В Одессе тоже немало таких мест – и оперный театр, и Соборная площадь, и Дерибасовская, и, конечно же, Приморский бульвар... О Приморском бульваре как об одном из символов Одессы – в интервью с журналистом, краеведом Олегом Губарем.

Сергей Ляликов: Как вы считаете, в словах «Приморский бульвар» много ли слилось для сердца одесского, например – для вашего?

Олег Губарь: Ну я надеюсь, что много... На самом деле в Одессе, как бы мы ни надували щеки и как бы мы себя ни восхваляли, архитектурных комплексов у нас, по сути, раз-два – и всё! Наверное, это Приморский бульвар с Потемкинской лестницей (лестницей-гигантом или лестницей-монстром, как ее называли) и разве что еще комплекс строений, относящихся к медицинскому факультету Императорского Новороссийского университета, сейчас – комплекс клиник по улице Пастера, Валиховскому переулку и так далее... Больше, по сути, достойных архитектурных комплексов у нас нет. Что касается Приморского бульвара, то, наверное, надо иметь в виду, что он строился и был задуман как корректива генерального плана города. То есть существовал высочайше утвержденный план 1803 года – план, утвержденный Александром I и им же в 1818 году откорректированный. В частности, там учитывался вновь проектированный квартал, а именно Бульварная улица. Вот тогда-то, собственно говоря, и проявился огромный интерес к этой приморской части, ведь это был военный горо-

док. Одесса имела свою функцию изначально как военный форпост, как военная гавань – и на бульваре находилась малая крепость и казармы, это в районе первых номеров Приморского бульвара и Воронцовского дворца. По правую сторону четыре большие казармы, за ними – офицерские флигели; недостроенная Екатерининская церковь – посередине одноименной площади. Небольшой дом, который занимала полковая церковь Ладожского полка, шефом которого, кстати, был Кобле, именем которого была названа Коблевская улица, и военный госпиталь, который располагался за Воронцовским дворцом.



А гражданских домов там практически не было. Там был дом Куликовского, который купил Воронцов в 1820 году, на месте которого он и построил свой дом. На месте нынешнего горсовета, тогда – Старой биржи, были флигели полковницы Черновой, где проживали актеры итальянской оперы, ну и на Екатерининской площади был дом капитана второго ранга Телесницкого, дом был над портом... Вот, собственно говоря, и все, что было к тому моменту, когда была задумана Бульварная улица...

С. Л.: Вы как раз упомянули об аутентичности, об одесскости Приморского бульвара, его стиля. Может быть, поэтому так любят гулять по нему туристы – да и сами одесситы? Вы, кстати, любите гулять по Приморскому бульвару?

О. Г.: Честно говоря, просто с детства привык... И я помню старый фуникулер и обязательное посещение кафе, которое там находилось, и винтовую лестницу, спускающуюся в Лунный парк, действительно насыпную террасу, посещение Археологического музея и массу легенд, которые окутывают Приморский бульвар.



Например, та, что памятник Пушкину повернут спиной к Городской думе из-за того, что думцы отказались финансировать сооружение памятника.

С. Л.: Это не так?

О. Г.: Во-первых, Дума тогда находилась не в здании на нынешней Думской площади. Там была Старая биржа. И если Александр Сергеевич к кому-то повернулся спиной, так это к бирже! Дума находилась в правом полуциркульном здании выше по Приморскому бульвару – в казенном здании, здании Присутственных мест по адресу Приморский бульвар, 7. Что касается обид, которые могли возникнуть

у Александра Сергеевича на Думу, то они тоже несправедливы. Во-первых, Дума спонсировала конкурс на проект памятника из своих средств, а во-вторых, она оплатила половину средств наличностью в самый тяжелый момент, когда сбор пожертвований иссякал. Вот я сейчас наблюдаю, как одесситы с большим энтузиазмом собирают средства на памятник Бабелю. Хотелось бы, чтоб этот порыв тоже не иссяк. Во всяком случае тогда, когда возникла очень сложная ситуация, и бюджет был превышен многократно по разным причинам, половину суммы выделила именно мэрия.

И ряд других легенд, в частности, о том, что Потемкинская лестница посвящена Елизавете Ксаверьевне Воронцовой. На самом деле Воронцов попросту не хотел ударить в грязь лицом перед императором. В 1837 году Одессу посетил император Николай I – и здесь был организован прием, была устроена художественно-промышленная выставка, и он ее посетил.

С. Л.: Эдакая презентация потенциала Одессы, говоря современным языком?

О. Г.: Совершенно верно. И был такой авантюрный проект – построить лестницу в течение семи месяцев. Можете себе представить: при тогдашнем уровне технологий строительства это было сделать очень сложно! И строительство затянулось на долгие годы... Был и проект архитектора Торичелли, по-моему, проект 1835 или 1836 года, в Госархиве сохранился чертеж. И следующий проект – архитектора Боффо. Можно сказать, что он, возможно, предумышленно, а возможно, потому, что это все делалось в спешке, не учел очень многих факторов, в частности, инженерной геологии и той детали, что там разгружаются подземные воды. И что вообще это сложное сооружение – по сути, наклонный мост. Во всяком случае с подрядчиком Завадским был заключен договор. Завадский был хозяином левого полуциркульного здания на бульваре у Дюка – здания, построенного в 1832 году, где впоследствии была гостиница «Санкт-Петербургская», одна из лучших в городе. Так вот, Завадский, как сейчас брутально выражаются, «попал» с этим проектом. Он очень долго мучился. Естественно, смета была многократно превышена, строительство затянулось – и деньги свои он получил только в 1847 году, причем чуть ли не по указу сената. В общем, очень много было приключений. Из интересных эпизодов этой истории – наверное, насыпка этих висячих садов. Это ведь насыпные грунты. Их отсыпали, просто вывозя строительный мусор, причем это было в конце 1860-х – начале 1870-х годов. И это тоже вроде висячих садов Семирамиды. Когда там проводили археологические раскопки, то обнаружили многократные подсыпки – и среди строительного мусора находился весь быт XIX века, а в подножии был фрагмент турецкого кальяна, ядро времен взятия Хаджибея. Вот такие забавные вещи! Интересно также, что дом князя Лопухина, это нынешняя гостиница «Лондонская», сейчас перестроен. Из него вела подземная галерея на террасу: это были скаты, и их выделяли домовладельцам под садовые заведения. Если у тебя дом, то напротив ты можешь получить такой наклонный участок. Вот на такой участок вела подземная галерея, и он был оформлен в виде такого античного храма, бельведера. Лопухины могли туда выходить и дышать в саду свежим морским воздухом.

С. Л.: К слову, между памятником Пушкину и мэрией установлено старинное орудие, двухсотпятидесятипудовая чугуная пушка, которая как бы охраняет морские подступы к Южной Пальмире. Она напоминает о героизме 22-летнего прапорщика Щеголева, батарея которого 10 апреля 1854 года в течение шести часов не давала англо-французской эскадре войти в Практическую гавань одесского порта. Это солдатская история, которая по праву вписана в историю Крымской войны 1853-1856 годов. Пушка была поднята водолазами в Аркадии с места гибели английского фрегата «Тигр», который сел на мель и был уничтожен российской артиллерией. Позже, в 1903 году, в преддверии пятидесятилетия подвига батареи Щеголева было решено увековечить память этой батареи. И пушка, и несколько поднятых со дна ядер были установлены на Приморском бульваре.

О. Г.: Насчет пушки – это очень интересный и курьезный эпизод, и, наверное, малоизвестный. Дело в том, что после Крымской войны две пушки, поднятые с фрегата «Тигр», были пожалованы городу императором. Эти пушки должны были быть установлены по обе стороны Потемкинской лестницы, тогдашней лестницы Николаевского бульвара. Но при испытании одна из пушек



разорвалась. Находились они на так называемой батарее портового боцмана Луиджи Мокко в начале Канатной улицы. Власти даже предлагали желающим взять подряд, чтобы перевезти на бульвар орудие, которое еще осталось. А что делать с фрагментами другой пушки, не вполне понимали. И вот я смотрел архивное дело, которое занимает лет десять. Что делать с этим орудием, как его перевозить? Они не знают, как принимать этот чугун (а чугун надо принимать, но нет весов, для того чтобы его взвешивать). Коротче говоря, эта история с 1857 года тянулась до 1860-го примерно. В результате орудие так и осталось в начале Канатной улицы, и о нем действительно вспомнили лишь накануне пятидесятилетия сражения. Это одна из пушечных историй бульвара.

С. Л.: Есть такой анекдот времен 20-х годов XX века – эпохи, когда менялись названия улиц как в Одессе, так и по всей стране. Один приезжий на одесском вокзале нанял извозчика искомандовал: «На бульвар Фельдмана!». «Куды?» – спросил извозчик. Приезжий, понизив голос, пояснил: «На Николаевский бульвар». Извозчик очень удивился: «Тридцать лет ездю, а доселе не знал, что фамилия Николая была Фельдман!..».

Приморский бульвар в разные времена назывался и Николаевским, и бульваром Фельдмана. Вы могли бы пояснить, откуда взялись эти названия?

О. Г.: Речь идет о князе Николае Николаевиче. Он жил во дворце по Приморскому бульвару, 9. Это был дом, где обитали генерал-губернаторы. Князь Николай Николаевич был главнокомандующим армии во время войны 1877-1878 годов, во время турецкой кампании. Он тяжело болел, и все ожидали худшего, но когда он выздоровел, пошла и кампания на поправку. Поэтому и назвали бульвар Николаевским.

Что касается Фельдмана, то в Одессе было два Фельдмана. Один из них был на броненосце «Потемкин» и упоминается в мемуарах современников как человек, присутствовавший там. Он был там как член партии, как депутат, он не служил на «Потемкине». Бесконечная путаница – и непонятно, в честь какого Фельдмана назван бульвар. Дело в том, что был другой Фельдман, который служил в ЧК и погиб от рук бандитов, по-моему, на улице Прохоровской, когда его узнал кто-то из налетчиков.

С. Л.: Кто, по вашему мнению, внес наибольший вклад в то, что Приморский бульвар сегодня является замечательным памятным местом? Может быть, это граф Воронцов, может быть, архитектор Франц Боффо? Кого можно было бы выделить в этом ряду?

О. Г.: Очень много людей принимали участие в становлении Приморского бульвара, я просто могу перечислить. К этому имеет отношение Потье, архитектор Шаль, градоначальник Трегубов. Воронцов, Ланжерон имеют к этому прямое отношение – и очень много архитекторов и инженеров, а о Боффо и говорить не приходится: это был невероятно талантливый человек.

С. Л.: Как вы считаете, действительно ли Приморский бульвар является сегодня символом Одессы?

О. Г.: Есть хорошая песня Красотова на слова Юрия Михайлика:

...Опять иду по лестнице воспетой,
А эскалатор оставляю в стороне,
И весь бульвар, одним большим букетом,
Одесса милая протягивает мне.
Ее походка так надежна и легка,
Ее улыбка всем понятна...

Тут все сказано! Когда смотришь снизу, лестница и Приморский бульвар – это нечто вроде букета, который Одесса протягивает тем, кто входит в порт с моря.

Беседовал Сергей Ляликов

